

Об эмансипационном потенциале рок-культуры

С. Г. Дюкин

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь. E-mail: dudas75@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования, которое лежит в основе данной статьи, является участие рок-культуры в эмансипационных процессах второй половины XX века. Целью является определение специфики рока как инструмента эмансипации. В основе методологии статьи лежит историко-антропологический подход. При работе над исследованием использовались методы исторического анализа и глубинного интервью. В результате получены следующие выводы. В ходе своей истории рок-культура была активно вовлечена в процесс эмансипации негров, сексуальных меньшинств, юношества и молодежи. Более частным и специфическим объектом эмансипации для рок-культуры стал отечественный «теневой» бизнес в позднем СССР. Освобождение этой группы сопряжено с выведением из нелегального положения участников рынка пластинок и освобождением от филармонической зависимости рок-исполнителей, вовлеченных в 70–80-е гг. в предпринимательские практики, репрессируемые государством. Основным же методом эмансипации предпринимателей стало влияние на интернализацию рок-аудитории положительного контекста вокруг нелегального бизнеса. Пример освобождения «теневого» бизнеса в годы перестройки отражает специфику эмансипационного процесса силами рок-культуры. Данная особенность заключается в освобождении человека во всей полноте его личности, в отличие от правовой эмансипации, которая затрагивает лишь один из аспектов статуса человека. Что касается эмансипации прочих категорий населения разных стран, то вмешательство в эмансипационный процесс рок-культуры внесло существенные коррективы в структуру освобождения бесправных слоев общества. Агент рок-культуры создает вокруг себя новую систему социальных координат, и его воображаемое социальное пространство нивелирует всякого рода формальные ограничения иррационального характера, а именно к таковым относятся ущемления в правах для некоторых социальных групп.

Ключевые слова: социальная группа, интернализация, доминирование.

Проблема эмансипации, казалось бы, заняла прочное место в гуманитарном научном дискурсе. Данное понятие стало настолько распространенным, что осело не только в научном или публицистическом, но и в обыденном сознании. Однако при более пристальном внимании выясняется, что подавляющее большинство научных работ, посвященных эмансипации, связаны либо с феминистским движением, либо с юридической практикой наделения полной дееспособностью несовершеннолетних граждан. В действительности, за термином *эмансипация* стоит процесс освобождения той или иной социальной группы от доминирования другой группы, а, возможно, и от угнетения (политического, экономического, социального, культурного) со стороны последней.

В современной российской науке процесс эмансипации в культурологическом аспекте исследовался О. Ворониной, А. Танхилевским. В зарубежной науке эмансипация стала предметом изучения для Ч. Баччи, Е. Сапиро, И. Янга и многих других ученых. Различные социокультурные аспекты рок-культуры исследовались множеством ученых. Данному объекту посвящено несколько десятков диссертаций, несколько монографий. Актуальный в аспекте данной статьи социокультурный потенциал рок-н-ролла стал предметом рефлексии Т. Розака, Р. Фриппа, А. Васильевой, Е. Касьяновой, Г. Кнабе, Е. Мякотина, В. Сырова, С. Шаповалова и других исследователей. Установление корреляции между рок-культурой и эмансипационными процессами способно внести дополнительный вклад в научный дискурс, связанный с изучением молодежной музыки.

Как уже было замечено, в имеющихся текстах эмансипация большей частью уравнивается с феминистским движением, в то время как данный теоретический контекст в равной степени применим к освобождению таких групп, как, например, крестьяне, пролетариат, негры, мусульмане в России и СССР, сексуальные меньшинства и т. д. При этом можно говорить о том, что исторический аспект освобождения этих и некоторых других групп описан в научных текстах. Однако продолжает существовать вопрос о социокультурных технологиях эмансипации, обеспечивающих полную интернализацию этого явления, за которой стоит

ментальное закрепление нового статуса в бывшем третируемой категории населения. Именно этим фактом определяется актуальность данного исследования, в процессе которого выявляется один из универсальных инструментов эмансипации в современной культуре, одновременно связанный с множеством институтов, функционирующих в разных подсистемах общества. Необходимость подобного исследования базируется на сохранении рок-культурой потенциального функционала, который гипотетически способен позволить ей вмешаться в эмансипационные процессы в обновленной социокультурной ситуации. Важно понять, каким именно образом явление художественной культуры запускает ход общественных процессов.

В связи с этим выдвигается гипотеза, в соответствии с которой во второй половине XX и в начале XXI века одним из ведущих факторов эмансипации разных слоев общества в мировом масштабе стала рок-музыка и рок-культура. Под последней предлагается понимать совокупность ценностно-нормативных установок, символов, практик, порождаемых в среде, вовлеченной в сферу воздействия рок-музыки. С реализацией художественных и повседневных практик рок-культуры связана эмансипация негров, сексуальных меньшинств, подростков и молодежи, носителей бытовых девиаций (пьяницы, наркоманы, фрики, нимфоманы и т. д.), представителей «теневого бизнеса» в позднем СССР. Данный процесс в отношении названных групп принимал не похожие друг на друга формы, имел место в разные периоды, однако в целом обладал монолитной и схожей природой.

В предлагаемой статье в схематичной форме будет рассмотрен процесс эмансипации негров, сексуальных меньшинств и молодежи. В более подробной форме предполагается показать освобождение теневого бизнеса в позднем СССР, на примере которого надлежит проанализировать специфику рок-культуры как инструмента эмансипации. В основе методологии статьи лежат сравнительно-исторический метод и структурно-функциональный анализ с использованием включенного нарративного интервьюирования очевидцев событий, связанных с реалиями отечественной рок-культуры конца 80-х гг., когда имела место эмансипация нелегального предпринимательства. Сочетание столь различных методов предопределено широким характером проблемы, требующей работы как с историческим, так и с актуальным материалом антропологического характера.

Первой категорией, повысившей свое социальное положение, войдя в сферу влияния рок-культуры, стали негры. В первую очередь, речь идет об афроамериканцах, но, в конечном счете, волна расовой эмансипации 50–80-х гг. накрыла все чернокожее население планеты.

В 1954 г., за год до события, которое принято считать началом истории рок-н-ролла (выход песни Билла Хейли «Rock Around The Clock»), в США начинают приниматься законы, постепенно предоставившие чернокожему населению страны всю полноту гражданских прав. Первый из них позволил детям из негритянских семей учиться в школах для «белых». После этого последовала отмена узаконенной сегрегации в общественном транспорте и в других общественных местах, разрешение для негров поступать в университеты. В наиболее концентрированном виде законодательная сегрегация, сопровождаемая волнениями и гражданскими акциями, продлилась до середины 60-х гг.

Хронологически данный процесс совпал с возникновением и популяризацией рок-н-ролла как особого направления молодежной музыки. Половину «звезд» рок-н-ролла составляли белые исполнители (Элвис Пресли, Джерри Ли Льюис, Эдди Кокрэн, Бадди Холли), другая же половина – исполнители афроамериканского происхождения (Фэтс Домино, Литтл Ричард, Чак Берри, Бо Диддли и другие). По уровню популярности и влиянию на молодежь белые и черные исполнители занимали приблизительно равные позиции. И те, и другие в равной степени представляли новую музыку при ее экспортировании за пределы США.

На рубеже 50–60-х гг. возникает стиль *соул*, а в конце 60-х выделяется еще один стиль *фанк*, которые, будучи изначально явлениями негритянской музыки, тесно контактировали с рок-культурой, и многие исполнители, представлявшие эти стили, имели широкую белую аудиторию, выступали на общих фестивальных площадках (Мэрвин Гэй, Стиви Уандер, Slay and the Family Stone и другие). Еще более интенсивные контакты между «белой» и «черной» музыкальными традициями обозначились в пределах музыки *диско*, для которой характерным стало перманентное сотрудничество между белыми и чернокожими певцами, инструменталистами, композиторами, продюсерами. Именно в рамках музыки *диско* был порожден феномен Майкла Джексона, являвшего собой своеобразную кульминацию эмансипации негров в рок-культуре. В фигуре М. Джексона предпринята попытка нивелирования всех различий. Побеливший кожу негр с полуженскими-полумаскулинными чертами и исполняю-

ший «черную» музыку (соул, фанк, диско), дополненную чертами «белой» музыки (хард-рок, кавер-версии британских песен), М. Джексон стал одним из национальных символов США, фигурой, примирившей два расовых полюса Америки.

Важное значение для западной культуры конца XX века имела эмансипация сексуальных меньшинств. История этого процесса может отсчитываться от трех событий. В 1967 г. вопрос о возможном предоставлении прав сексуальным меньшинствам был поставлен в парламенте Канады, в том же году гомосексуализм был декриминализован в Англии, а двумя годами позже в районе проживания Нью-Йоркской арт-богемы Гринвич-Виллидж произошел Стоунволлский бунт, после которого началось постепенное признание прав геев и лесбиянок в США на законодательном уровне.

Вслед за юридической эмансипацией сексуальных меньшинств начинается интернализация этого процесса в массовом сознании, осуществляемая средствами рок-культуры. Эмансипация геев и лесбиянок связана с двумя стилевыми явлениями рок-музыки. Это глэм-рок и «новые романтики». Становление и последовавший расцвет глэм-рока пришелся на первую половину-середину 70-х гг. Для этого стиля были характерны яркая мелодика и театрализация сценического поведения с использованием грима и макияжа. Именно в рамках глэма впервые в истории рока стало возможно признание музыкантов в их приверженности в гомосексуализме. Об этом заявлял Дэвид Боуи, которого принято считать крупнейшим представителем этого стиля. Подобные его декларации в последующем подвергались сомнению. По мнению биографа музыканта Дж. Тремлетта, заявления певца о собственном гомосексуализме нужно рассматривать исключительно в аспекте девиантного самопозиционирования и эпатажа [12]. Возможность подобной провокации указывает на неукорененность в социуме гей-идентификации в начале 70-х. Во многих тех случаях, когда музыканты не заявляли о своей причастности к сексуальным меньшинствам, мало того, была их гетеросексуальная ориентация, они все равно создавали полуфеминный образ, отказываясь от демонстрации маскулинности, что было характерно, в свою очередь, для других стилей рок-музыки. Вошедшие благодаря глэм-року в повседневную массовую моду обильный макияж, обтягивающая одежда, женские прически не могли не способствовать ассимиляции гей-культуры культурой большинства, а следовательно, ее эмансипации.

Последствия первичной эмансипации сексуальных меньшинств в роке 70-х ощутились на втором этапе этого процесса, который пришелся на первую половину 80-х и проходил в рамках стиля, получившего название «новые романтики». Представители этого направления признавались в своей гей-ориентации уже совершенно открыто, и их было гораздо больше, нежели в глэм-роке. Стив Стрендж, Джим Саммервилль, Энди Белл, Бой Джордж, Энн Леннокс не просто заявляли о своей гомосексуальной идентификации, но и формировали свой имидж на основе причастности к сексуальным меньшинствам.

На протяжении всей своей истории рок-музыка служила для эмансипации подростков и юношества. Этот процесс носил двусторонний характер: с одной стороны, он затрагивал самих музыкантов, а с другой стороны, эмансипировалась подростковая аудитория. С самого начала существования рок-н-ролла в его исполнительские институты стали вовлекаться очень молодые люди. Не больше 20 лет было в момент прихода первоначальной славы Элвису Пресли, Полу Маккартни и Джорджу Харрисону из «Beatles», музыкантам из «Rolling Stones» и многим другим звездам. Появление плеяды юных звезд во многом связано со снижением в роке профессиональной планки, с возможностью исполнять эту музыку, не имея специальной подготовки и музыкального образования. Появление когорты популярных исполнителей юного возраста выводило молодых людей в разряд успешных бизнесменов, так как их известность и востребованность была сопряжена с оборотом крупных денежных сумм.

Другим фактором, способствующим эмансипации молодежи, стал ореол престижа, формирующийся вокруг юных звезд. С одной стороны, возведение юной публикой в разряд идеалов и превращение в референтную группу своих ровесников, а с другой стороны, отчуждение той же публикой от взрослого мира и, в частности, от жанров музыки, мыслимых ей как «взрослые» (классика, народная музыка, джаз, традиционная эстрада), способствовали повышению значимости молодежи в ее собственных глазах и упрочению ее реальных социальных позиций. По мнению Т. Росака, ставшего, по сути, первым исследователем социальных функций рок-н-ролла, принципиально и декларативно молодежные нормы и практики представляли собой использование «неструктурированного детского поведения» в качестве противопоставления порокам буржуазного «взрослого» образа жизни [11, с. 72]. На уровне индивиду-

альной повседневной рефлексии эта мысль может быть представлена следующим образом: «Я, да и все такие же, как я, когда слушали эту музыку, понимали, что в ней есть что-то такое, что делает нас лучше и серьезнее, чем наши родители, или учителя. Мы какими-то более настоящими, что ли, становились, в отличие от них. Рок-н-ролл позволял нам смотреть на всех них сверху вниз» [3]. Таким образом, делится своими воспоминаниями пермский рок-музыкант, приобщавшийся к рок-н-роллу в конце 80-х. Результатом процесса стало безоговорочное и очевидное омоложение и демократизация моды, языка (проникновение в него молодежного сленга), практик в культуре различных возрастных групп.

Одним из частных случаев эмансипации в рамках рок-культуры стало идеологическое освобождение и ментальная легализация теневого бизнеса в рамках советской культуры. Этот процесс происходил в годы перестройки. Основу политического фона этого процесса составили закон «О кооперации», вышедший в мае 1988 г., а также дискуссии о переходе к рыночной экономике, развернувшейся после начала работы Съезда народных депутатов в мае 1989 г.

Рок-н-ролльное сообщество вошло в процесс формирования культуры бизнеса с тeneвым рынком пластинок. Практически в каждом крупном городе (большинство региональных центров) существовал свой «черный» рынок, на котором продавались и обменивались «фирменные» диски. С началом перестроечных процессов данное явление получило право на признание в качестве проблемы советского общества, решение которой не обязательно должно быть связано с уголовным законодательством. Симптоматичным можно признать один из материалов в пермской газете «Молодая гвардия», издаваемой обкомом ВЛКСМ. Автор газетного текста оправдывает существование «черного» музыкального рынка популярностью западного рока, а обменщики дисками (не продавцы) сравниваются с коллекционерами и в целом оправдываются [4]. Один из завсегдатаев пермской «пластиночной барахолки» 80-х вспоминает о том, что «где-то в 85-86-м годах внезапно всем стало почему-то ясно, несмотря на отсутствие прямых указов или директив, что всякие запреты на торговлю или обмен дисками больше не действуют. Весь подпольный характер того, что мы делали, вдруг куда-то улетучился. А вскоре, вообще, открыли клуб коллекционеров пластинок при комсомоле. Мы же там собирались, а не на толкучке, хотя занимались-то там тем же самым» [2].

Продолжением дискурса, выстраивавшегося в годы перестройки вокруг связанного с рок-музыкой предпринимательства, стало обсуждение экономическо-организационного статуса рок-исполнителей и коллективов. Дискуссия развернулась на страницах многих периодических изданий, лидером среди которых по частоте публикаций на данную тему стал журнал-бюллетень «Мелодия». В заметках и обзорах В. Лензона [5], Д. Ловковского [6], М. Сигалова [8], Н. Тихоновой [10], посвященных тем или иным рок-группам, в обязательном порядке ставилась проблема статуса коллективов. Исходным тезисом почти во всех случаях служила мысль о пагубном влиянии филармонии на творческий потенциал группы. Авторы призывали к освобождению творчества от филармонической зависимости. Преодоление ситуации связывалось с вовлеченностью команд в новые формы хозяйственной деятельности. На тот момент (1988–1990-е гг.) единственной альтернативой могли служить кооперативы, то есть эксклюзивная приемлемая для советской системы форма бизнеса, ставшая при этом инструментом вхождения советского человека в рыночную экономику.

Отечественная рок-музыка 80-х гг. обеспечивала эмансипацию теневого бизнеса не только в организационном, но и в содержательном аспекте. Постепенное превращение *спекулянта* в *предпринимателя* осуществлялось через создание рок-авторами и исполнителями положительного контекста вокруг фигуры бизнесмена. Данный процесс имел нелинейный характер и был связан с применением различных методов трансляции нового ценностного смысла. Во-первых, происходила безоценочная номинация явления. В песнях В. Кузьмина, групп «Центр», «ДК», «Бригада С», «Тамбурин» прозвучало само слово «фарцовщик» («бизнесмен», «фальшивомонетчик»), что обеспечивало его базовую реабилитацию в тезаурусе слушателей. Через обозначение явления, пусть даже в негативном контексте, снимался ментальный запрет на его обсуждение. Представитель теневого бизнеса, несмотря на отсутствие реальной правовой легитимности, в представлении слушателей превращался в одного из равноправных акторов советской социокультурной системы. Явление прекращало восприниматься как отклонение от нормы, что было важнейшим условием эмансипации [1]. Во-вторых, в песнях указанных исполнителей и групп произошло формирование вокруг образа *рыночного спекулянта* престижного контекста. Концепт фарцовщика сопровождается в текстах периферийными лексемами *риск, удача, упорство, трудолюбие, целенаправленность, современ-*

ность, мода. В-третьих, эмансипация предпринимательства заключалась в исследуемом дискурсе в делигитимации системы, репрессирующей незаконный бизнес. Использование данного метода составляло основу смыслового и функционального ядра советской рок-культуры рубежа 80–90-х гг. Ирония в адрес ценностей советской культуры, переоценка фактов советской истории, сопротивление официальной дидактике способствовало ментальному ниспровержению того субъекта, который реализовывал репрессивную функцию в отношении теневого бизнеса. Использование столь широкого набора средств эмансипации бизнеса обусловлено тем, что «субъект эмансипации всегда претендует на то место, которое до начала эмансипации занимал источник его несвободы» [9, с. 177].

Наконец, наиболее общая сторона эмансипации теневого бизнеса воплотилась в антропологическом аспекте рок-культуры, а именно в том, что касается освобождения личности во всех ее проявлениях. По замечанию В. Марочкина, рок-революция, перманентно развивавшаяся в СССР в 70–80-е гг., переросла в капиталистическую революцию [9, с. 51–55]. Автор, безусловно, связывал конечную легитимацию рыночной экономики с эмансипацией *неофициального* в качестве правового императива, что предусматривается всем комплексом отношений, складывающихся в рок-культуре с ее культом личной свободы и установкой на приоритет персональных качеств человека в противоположность коллективным требованиям.

То, что только что было названо антропологическим аспектом освобождения теневого бизнеса в условиях советской культуры, представляет собой определяющий компонент рок-культуры в отношении всякой эмансипации. Дело в том, что всякий процесс освобождения той или иной социальной группы от негативного влияния со стороны какого-либо субъекта подразумевает некоторую неполноту и односторонность. А. Г. Танхилевский пишет об этом следующим образом: «Для эмансипации отдельного человека необходимо его всестороннее, целостное освобождение, в проекте которого учтены все характеристики его личности. Эмансипация не дает такого освобождения, потому что она не освобождает человека. Человек не эмансипируется, эмансипируется некий абстрактный конструкт, в реальности существующий только разобраным на части» [9, с. 167].

Если отнестись к эмансипации негров, гомосексуалистов, молодежи и прочих групп населения, не описанных в статье, с формальных позиций, то с вышеприведенными словами нельзя не согласиться. Эмансипация каждой из обозначенных социальных категорий заключалась, прежде всего, в наделении их как носителей характеристик, ущемляемых социальным большинством, рядом юридических прав. При этом, например, правовое освобождение человека, являющегося представителем негроидной расы, не исключало продолжения его эксплуатации в качестве, скажем, малоимущего, а прекращение уголовного преследования гомосексуалиста не отменяло его правовой ущемленности в качестве несовершеннолетнего.

Подводя итоги, подходя к намеченной цели, можно заключить следующее. Вмешательство в эмансипационный процесс рок-музыки внесло существенные коррективы в структуру освобождения бесправных слоев общества. Дело в том, что, входя в поле влияния новой формы культуры и одновременно субкультуры (рок-н-ролл может рассматриваться в аспекте каждого из этих понятий), субъект наделяется способностью комплексного противостояния всякому доминирующему воздействию. Субъект оказания такого влияния приобретает характеристики отчуждаемого Другого, выносимого объектом эмансипации за пределы понятия *рок*. Расизм, гомофобия, культ солидности (антипод культа юности и молодости), или советское государство, воспрещающее частную экономическую инициативу, мыслятся в рамках рок-культуры как враги, недостойные быть объектами рефлексии. И, в конечном счете, помимо того, что рок-н-ролл освобождает третируемые группы от определенного доминирования, которое можно было бы назвать однонаправленным, он разрывает и прочие направления негативного для субъекта вертикального воздействия. Это связано с тем, что агент рок-культуры создает вокруг себя иную систему социальных координат и его воображаемое социальное пространство нивелирует всякого рода формальные ограничения иррационального характера, а именно к таковым относятся ущемления в правах для некоторых социальных групп, имеющие дисфункциональную природу (расистские законы, элементы геронтократии, запрет рыночной инициативы в условиях кризиса и несостоятельности командно-плановой системы и т. д.). Т. Росак, описывая данный процесс, говорит: «Классовое сознание как генеративный принцип уступает место сознанию сознания» [1, с. 99]. В рамках рок-культуры эмансипация происходит через присвоение субъектом социальной реальности, ее последующее обостренное экзистенциальное переживание и наделение желаемым содержанием, предполагающим разрушение имеющих иррациональную природу ограничивающих норм.

Список литературы

1. Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. М. : Эдиториал, 2003. 320 с.
2. Интервью № 1. Мужчина 1959 г. р. Записано на диктофон 11.07.2017.
3. Интервью № 11. Мужчина 1975 г. р. Записано на диктофон 15.08.2018.
4. Каменев Д. Тайны черного диска, или музыкальный толчок // Молодая гвардия. 1985. № 128–129. С. 7.
5. Лензон В. Завянет ли «Лотос» // Советская эстрада и цирк. 1988. № 6. С. 14–15.
6. Ловковский Д. Панорама противоречий. Заметки о фестивале «Рок-панорама-87» // Советская эстрада и цирк. 1988. № 4. С. 4–7.
7. Музыкальная антология. Поколение независимых / под ред. С. Жарикова. М. : Социальное радио, 2006. 432 с.
8. Сигалов М. Живые и мертвые легенды // Советская эстрада и цирк. 1988. № 12. С. 8–11.
9. Танхилевский А. Г. Эмансипация как философская проблема // Альманах «Vita Cogitans». СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2003. Вып. 2. № 2. С. 164–183.
10. Тихонова Н. Несмотря ни на что // Советская эстрада и цирк. 1988. № 5. С. 12–13.
11. Roszak Th. The making of a counter culture: reflection on the technocratic society and its youthful opposition. New York : Random House, 1969. 379 p.
12. Tremlett G. David Bowie: Living on the Brink. New York : Carroll and Graf, 1997. 400 p.

About the emancipation potential of rock culture

S. G. Dyukin

PhD of Philosophical Sciences, associate professor of the Department of cultural studies and philosophy,
Perm State Institute of culture. Russia, Perm. E-mail: dudas75@mail.ru

Abstract. The subject of the research, which is the basis of this article, is the participation of rock culture in the emancipation processes of the second half of the twentieth century. The goal is to define the specifics of rock as an instrument of emancipation. The methodology of the article is based on the historical and anthropological approach. When working on the research, the methods of historical analysis and in-depth interviews were used. As a result, the following conclusions are obtained. In the course of its history, rock culture has been actively involved in the emancipation of Negroes, sexual minorities, youth. A more private and specific object of emancipation for rock culture was the domestic "shadow" business in the late USSR. The release of this group is associated with the removal from the illegal situation of participants in the record market and the liberation from the Philharmonic dependence of rock artists involved in the 70–80's in business practices, repressed by the state. The main method of emancipation of entrepreneurs was the influence on the internalization of the positive context around illegal business by the rock audience. The example of the liberation of "shadow" business in the years of perestroika reflects the specifics of the emancipation process by the forces of rock culture. This feature consists in the liberation of a person in the entirety of his personality, in contrast to legal emancipation, which affects only one aspect of the status of a person. As for the emancipation of other categories of the population of different countries, the intervention in the emancipation process of rock culture has made significant adjustments to the structure of the liberation of disenfranchised sections of society. The agent of rock culture creates a new system of social coordinates around himself, and his imaginary social space eliminates all kinds of formal restrictions of an irrational nature, namely, infringements of rights for certain social groups.

Keywords: social group, internalization, dominance.

References

1. Voronina O. A. *Feminizm i gendernoe ravenstvo* [Feminism and gender equality]. M. Editorial. 2003. 320 p.
2. Interv'yū № 1. Muzhchina 1959 g. r. Zapisano na diktofon 11.07.2017 – Interview No. 1. A man born in 1959. Recorded on a voice recorder on 11.07.2017.
3. Interv'yū № 11. Muzhchina 1975 g. r. Zapisano na diktofon 15.08.2018 – Interview No. 11. A man born in 1975. Recorded on a voice recorder on 15.08.2018.
4. Kamenev D. *Tajny chernogo diska, ili muzykal'nyj tolchok* [Mystery of the black disk, or a musical market] // *Molodaya gvardiya* – The young guard. 1985. No. 128–129. P. 7.
5. Lenzon V. *Zavyanet li "Lotos"* [Will "Lotus" wilt?] // *Sovetskaya estrada i cirk* – Soviet stage and circus. 1988. No. 6. Pp. 14–15.
6. Lovkovskij D. *Panorama protivorechij. Zаметки о фестивале "Rok-panorama-87"* [Panorama of contradictions. Notes about the festival "Rock panorama-87"] // *Sovetskaya estrada i cirk* – Soviet stage and circus. 1988. No. 4. Pp. 4–7.
7. *Muzykal'naya antologiya. Pokolenie nezavisimyh* – Music anthology. Generation of independents / ed. by S. Zharikov. M. Social radio. 2006. 432 p.

8. Sigalov M. *Zhivye i mertvye legendy* [The living and the dead legends] // *Sovetskaya estrada i cirk* – Soviet stage and circus. 1988. No. 12. Pp. 8–11.
9. Tanhilevskij A. G. *Emansipaciya kak filosofskaya problema* [Emancipation as a philosophical problem] // *Al'manah "Vita Cogitans"* – Almanac "Vita cogitans". SPb. Saint Petersburg philosophical society. 2003. Is. 2. No. 2. Pp. 164–183.
10. Tihonova N. *Nesmotrya ni na chto* [Despite everything] // *Sovetskaya estrada i cirk* – Soviet stage and circus. 1988. No. 5. Pp. 12–13.
11. Roszak Th. The making of a counter culture: reflection on the technocratic society and its youthful opposition. New York. Random House, 1969. 379 p.
12. Tremlett G. David Bowie: Living on the Brink. New York. Carroll and Graf, 1997. 400 p.